

А.И. Комиссаренко

РАЗРАБОТКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ СЕКУЛЯРИЗАЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 1764 г.

26 февраля 1764 г. императрица Екатерина II подписала манифест, объявляющий изъятие у православной церкви в пользу государства земли и крестьян, т.е. их секуляризацию. Возникший еще в конце XV в. и продолжавшийся более двух с половиной веков спор между государством и православной церковью, неоднократно перераставший в открытый конфликт, завершился наконец победой светской власти. Юридическое оформление этого важнейшего мероприятия правительства Екатерины II впитало в себя опыт разработки и оформления секуляризационной программы, растянувшейся на несколько десятилетий, предшествовавших настоящему манифесту. К сожалению, эта историко-юридическая сторона секуляризационной реформы еще не была специальным предметом исследования. В. Беликов, А.А. Завьялов и П.В. Верховский — наиболее авторитетные авторы в русской исторической науке конца XIX — начала XX в., изучавшие правительственные акты и деятельность государственных учреждений (Комиссии о церковных имениях, Коллегии экономии), регулировавших экономический и фискальный статус церковных вотчин накануне их секуляризации, не обращали внимание на эволюцию нормативных позиций в законодательных источниках¹. Заполнение этой лакуны в наших представлениях о ходе подготовки секуляризационной реформы и составляет содержание предлагаемой статьи.

Источники по рассматриваемой проблеме извлечены нами из фондов РГАДА. Обширную группу среди них представляет переписка Сената и Синода, раскрывающая перипетии борьбы государства и духовенства за землю и крестьян и доходы, с них взимаемые, а также документы, отложившиеся в фонде кабинета Екатерины II (проекты указов, рескриптов, материалы статс-секретаря Г.Н. Теплова по вопросам церковно-монастырского землевладения и др.). Особую группу составляют источники, касающиеся проведения хозяйственных переписей в духовных владениях («офицерские» описи) и внедрения правительственного контроля в сферу земельных отношений в монастырских и архиерейских вотчинах, отложившиеся по преимуществу в фондах Коллегии экономии и Комиссии о церковных (духовных) имениях. В целом, они позволяют увидеть и проанализировать важнейшие вехи складывания секуляризационного за-

конодательства, оформившего реформу 1763 г., упразднившую церковно-монастырское землевладение и являющую собою акт, окончательно завершивший сложение абсолютистского режима в России.

К середине XVIII в. секуляризация церковных имуществ в полном объеме становилась насущной задачей укреплявшегося в России абсолютистского режима. Растущее социальное напряжение в церковных (монастырских, архиерейских) вотчинах, стремление многих вотчинных крестьян разорвать крепостнические путы, о чем свидетельствовали непрекращающиеся волнения и восстания в вотчинах церкви, толкали правительственные круги на поиск выхода из кризисного тупика, в котором оказалась вотчинная экономика духовенства². Спешить с проведением мер секуляризационного характера заставлял и острый денежный дефицит бюджета, вызванный началом Семилетней войны. На заседании Конференции при высочайшем дворе 30 сентября 1757 г. императрица Елизавета Петровна «...соизволила о монастырских и архиерейских з деревень доходах сделать немедленно следующее узаконение»: 1) ввести в духовных владениях офицерское управление взамен «монастырских служек», 2) определить штатное содержание монастырей, 3) взыскать с монастырских вотчин деньги на содержание отставных офицеров и солдат («инвалидов») и учредить на собранные суммы «инвалидные дома»³. Это распоряжение явилось тем решительным шагом, который выводил правительственный курс на путь секуляризации монастырских вотчин и их крестьян. Практическое проведение указанных мер было возможно только на базе учета точной информации о количестве, величине и структуре церковно-монастырских владений. 6 октября 1757 г. Конференция запросила об этом Сенат и Синод, однако они не имели полных данных о церковном хозяйстве⁴. Началась длительная бюрократическая переписка по этим вопросам, затянувшаяся до кончины императрицы Елизаветы Петровны (декабрь 1761 г.). Синод и монастыри упорно затягивали разрешение столь наболевшей проблемы. Еще в 1759 г. усилиями Сената были составлены самые общие ведомости со сведениями о церковно-монастырском хозяйстве, из которых видно, что в России к этому времени имелось 478 вотчинных и 469 безвотчинных монастырей с числом монашествующих 10092 чел. Минимальная денежная сумма на их содержание (вместе с 26 епархиальными архиереями) определялась в 254885 руб. 66 2/3 коп., а с учетом затрат на содержание Синода и многочисленных церквей, расходы должны были составить 574349 руб. 66 2/3 коп. Кроме того, при монастырях проживало 1358 отставных офицеров и солдат, которые обходились казне в 12464 руб. и 3333 четверти хлеба⁵. Располагая этими предварительными (в основном близкими к

действительности) данными, правительство могло приступить к следующей фазе реформы — учреждению специального органа, который должен был руководить сложным хозяйством монастырей, а также ввести офицерское управление в их многочисленных и рассеянных по всей России владениях. Вопрос о восстановлении Коллегии экономии дважды рассматривался на заседаниях Конференции при высочайшем дворе (23 марта и 6 октября 1759 г.) Проект Сената предусматривал внедрение в вотчинное хозяйство улучшенных агротехнических систем, «...дабы тем более приращение высочайшего интереса умножено было», и перевод всех крестьянских повинностей в денежный эквивалент — по 1 руб. с души м. п. (что должно было принести казне не менее 894 063 руб. по числу крестьян м. п. по второй ревизии)⁶. Этот проект не был поддержан Синодом. 24 июля 1760 г. члены Синода, участвуя в общей «конференции» с сенаторами, потребовали не посылать в духовные владения офицеров-управителей, сохранив в них вотчинную администрацию. По мнению синодальных членов, «...по великой в государстве обширности и монастырских деревень отдаленности потребно множество (офицеров — А.К.), и не могут быть все к тому надежны, но между ими необыкновенные и невоздержанные последуют», и в итоге наступит «разорение» деревень⁷. Отмеченные факты свидетельствуют о напряженной борьбе в правящих кругах России вокруг сложной проблемы взаимоотношений государственной власти и духовенства, корни которой лежали в сфере аграрной и земельной политики. К середине XVIII в. преимущество в этой борьбе перешло на сторону абсолютистского государства.

Подготовленные в конце 50-х гг. XVIII в. мероприятия, из которых складывалась секуляризационная программа, явились основой политики правительства императора Петра III, занявшего престол после смерти Елизаветы Петровны в конце декабря 1761 г. 16 февраля 1762 г. император направил в Сенат свой именной указ, восхваляя «мудрость» скончавшейся императрицы, желавшей «...монашествующих, его сего временного жития отрекшихся, освободить от житейских попечений»⁸. Объявляя выговор Сенату и Синоду, тратившим «напрасно время» в «бесплодных по ... предусмотренному делу советованиях и сношениях», Петр III заявлял, что курс, намеченный императрицей Елизаветой Петровной в Конференции 30 сентября 1757 г., надлежит осуществить немедленно и «непременно навсегда»⁹. Через три дня — 19 февраля — этот указ был оглашен на заседании Сената, и сенаторы тут же решили восстановить распушенную в начале 40-х гг. XVIII в. Коллегию экономии. При этом сенатское определение предусматривало, что в своей деятельности возрождаемая коллегия должна опираться на те норматив-

ные установления, которые содержались в сенатских проектах 1758—1759 гг. Речь в данном случае шла о том, чтобы определить статус назначаемых в церковно-монастырские вотчины офицеров-управителей и ускорить составление ими описей вотчинного хозяйства. Вводя единый рублевый оброк с души, «так как в таковой...дворцовые и... синодальные крестьяне обложены», Сенат считал возможным пашенные земли передать крестьянам, а остальные угодья сдать в аренду («в оброк»)¹⁰. Предложения Сената получили полное одобрение императора Петра III и были включены в сенатский указ от 19 февраля 1762 г., объявлявший о секуляризации церковных земель¹¹.

В вотчины этот указ поступил лишь к лету 1762 г. К этому времени воссозданная 19 февраля 1762 г. Коллегия экономии сформировала свой штат, президентом был назначен князь В.Е. Оболенский, в Петербурге возникла ее контора¹². Коллегия в первую очередь попыталась взять под свой контроль отбираемую у духовных собственников землю, направляя на места офицеров-управителей. 17 апреля 1762 г. вводилась в действие коллежская инструкция, которой должны были руководствоваться управители. Инструкция содержала 35 пунктов¹³. Основной задачей офицеров-управителей на первых порах считалось составление описей монастырских и архиерейских владений, прекращение крестьянских волнений, введение рублевого сбора, организация взаимной помощи в земледелии («собрав всех крестьян, увещевать, чтоб оные, которые в скоте и хлебе имеют достаточество ...бедных...добровольно взаимнообразно ссужали, и тягло б тех неимущих по необходимости вспахали, расположа по частям между собою»)¹⁴. Отмечая детальность разработки вопросов управления в этой инструкции, надо упомянуть, что она практически не была осуществлена. Причина этого заключалась в том, что только в июне 1762 г. Коллегия смогла подобрать кандидатов на должности управителей, и некоторые из них даже выехали в вотчины, но совершившийся 28 июня дворцовый переворот, возведший на престол Екатерину II, прервал деятельность правительственных учреждений и лиц по проведению секуляризации. Новая императрица, на первых порах не чувствуя себя прочно на вершине власти и желая заручиться поддержкой духовенства и подчеркнуть свой разрыв с непопулярной в дворянских и церковных кругах политикой Петра III, 12 августа 1762 г. подписала указ о возвращении духовенству всех вотчин. Меры Петра III по их секуляризации этим указом объявлялись «неполезным установлением», которое «учинено без всякого...порядка и рассмотрения». Императрица заверяла духовных владельцев в отсутствии у нее «намерения и желания присвоить себе церковные имения». Этим указом ликвидирова-

лись Коллегия экономии и офицерское управление в монастырских и архиерейских имениях. Что касается крестьянских повинностей, то Екатерина II оставляла на усмотрение самих монастырей и архиерейских кафедр решение вопроса об их типе — собирать ли с крестьян рублевой оброк или использовать их на барщине, «употребляя к нужным работам»¹⁵. Т.о., если исходить из содержания нормативных положений указа, то взаимоотношения абсолютистского государства и духовенства возвращались к периоду, существовавшему до 1757 г.

Ликование духовной олигархии однако вскоре приутихло. Уже первые шаги нового правительства показали, что полный возврат к прошлому невозможен — менялась только тактика, но не цель, которая становилась более осознанной как самой Екатериной, так и ее ближайшими советниками. Они еще более настойчиво, чем их предшественники, шли к секуляризации, но эта настойчивость сочеталась с лавированием, временными отступлениями и разумной осторожностью. Такой подход к проблеме и был претворен в жизнь. Еще не высохли чернила на указе от 12 августа 1762 г., как князю Я.П. Шаховскому — бывшему синодальному обер-прокурору — было передано распоряжение императрицы о «разсмотрении синодальных... архиерейских...и монастырских вотчин и о сочинении...о доходах и расходах пристойных штатов»¹⁶. С осени 1762 г. ближайшими советниками Екатерины II стали один из ее секретарей Григорий Николаевич Теплов и новгородский митрополит Дмитрий Сеченов. В бумагах Г.Н. Теплова сохранилась обширная коллекция материалов, связанных с подготовкой и проведением секуляризации духовных владений¹⁷. Г.Н. Теплов в 1769 г. подготовил записку — обзор мероприятий правительства за вторую половину 1762 г. «Какие собственно ея и.в. государственные учреждения от восшествия е.в. на престол зделаны», высказав мнение, что важнейшей вехой на пути к реформе было учреждение в этом году, 27 ноября, Комиссии о духовных (церковных) имениях¹⁸. Еще через день — 29 ноября — императрица утвердила специальную инструкцию, регулирующую ее деятельность. Тексты этих двух определяющих нормативных актов были подготовлены Г.Н. Тепловым, который и был определен руководителем Комиссии. Помимо него, членами ее назначались: новгородский митрополит Дмитрий(Сеченов), санктпетербургский архиепископ Гавриил, переяславский епископ Сильвестр, сенатор граф И.И. Воронцов, князь Б.И. Куракин, князь С. Гагарин, обер-прокурор Синода князь А. Козловский¹⁹. К составлению описей предписывалось привлечь «посторонних людей», которые должны были дать более истинную картину состояния вотчин, нежели лица духовные, заинтересованные в заниже-

нии сведений о доходах. Из инструкции видно также, что правительство отдавало себе отчет о вреде безудержного расширения барщины, поэтому рекомендовалось «безо всякой видимой нужды» пашню и барщину не расширять, «ибо излишний хлеб не всегда великую корысть приносит, а отяжчает работами крестьян...и тем их разоряет»²⁰. Контроль за хозяйственной жизнью в вотчинах поручался «нарочным объезчикам» или объезжим экономам (пункт 6-й). Т.о., инструкция проектировала введение административной опеки во владениях духовных корпораций (монастырей, архиерейских домов) сразу же после их секуляризации, что, кстати, и произошло с учреждением в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. института экономических казначейств и созданием особых региональных органов — экономических правлений.

Только что сформированная Комиссия занялась поиском мер по прекращению волнений в духовных вотчинах. К началу 1764 г. Комиссия располагала обширным делопроизводством о ходе крестьянских волнений в 42 вотчинах 5 архиерейских домов и 23 монастырей (не менее чем в 12 случаях для их подавления использовались войска)²¹. Этапы подготовки нормативных документов, оформлявших секуляризационную реформу, нашли отражение в «Справках, касающихся до манифеста 1764 г. о духовных имениях», отложившихся в бумагах Г.Н. Теплова²². Они включают, в частности, подготовленные материалы к указам Екатерины II, данных 8 января, 5 февраля, 12 мая, 11 июня и 31 июля 1763 г. и посвященных размерам повинностей, офицерам, посылаемым в вотчины, прекращению крестьянских выступлений против вотчинной администрации.

Непосредственное проведение политики правительства в отношении духовных владений и крестьян входило в компетенцию Коллегии экономии, воссозданной указом Екатерины II 12 мая 1763 г. Деятельность этого учреждения (президент — князь Б.И. Куракин) регулировалась специальной инструкцией, составленной Г.Н. Тепловым и утвержденной императрицей 6 июня того же года. Хотя инструкция успокаивала духовенство заверением, что правительство не имеет «намерения...лишать церковь...того достояния, которым она обогащена», ее пункты 9 — 13 давали коллежским чиновникам право контроля за важными сферами хозяйственного быта (рыбные ловли, мельницы, соляные варницы и др.). Счетная экспедиция Коллегии экономии, возглавляемая коллежским советником Андреяном Поздняковым, проверяла описи, присланные с места офицерами, назначенными комиссией о церковных (духовных) имениях. К концу февраля 1764 г., т.е. к моменту объявления Манифеста о проведении секуляризации духовной земель-

ной собственности, Счетная экспедиция признала достоверными 69 описей (из них — 4 описи архиерейских домов, 51 — монастырей и их вотчин, 12 — пустынь, 2 — архиерейских вотчин)²³. Однако нельзя не видеть и того очевидного факта, что описание духовных владений, несмотря на усилия центральных властей, еще было далеко от завершения, и правительство, объявляя 26 февраля 1764 г. о лишении духовенства его земли и крестьян, не располагало в полном объеме данными о размерах и состоянии церковно-монастырского вотчинного хозяйства.

Летом 1763 г. возник конфликт между Коллегией экономии и Московской синодальной канторой, руководители которой, особенно крутицкий митрополит Амвросий, отказались предоставить необходимую для подготовки секуляризационных мероприятий информацию. 9 августа 1763 г. Екатерина II сделала письменный выговор московским синодальным дьякам за их попытку «...ниспровергнуть преимущество Коллегии» и «увещевала» их «матерински...понимать силу наших указов в точном их разуме и с Коллегию экономии соглашаться тою же ревностию и усердием» и «...споспешествовать, что Бог нам на сердце положил к установлению в империи нашей благих...дел»²⁴. Императрица не только была в курсе всех действий Комиссии о церковных (духовных) имениях и Коллегии экономии, но и сама подготавливала проекты ряда нормативных актов. Сохранился, к примеру, недатированный черновой набросок ее записки в Комиссию (вероятно, она была написана в конце 1762 г.) с предложением рассмотреть вопрос об ограничении числа «служителей архиерейских домов» и «монашествующих» («означить точное число монахов и более не постригать как на сколько оклад положен будет в каждом монастыре, то же и монахини»). В связи с этим, Екатерина II полагала, что в монашеское звание следует «постригать» мужчин только с 60, а женщин — с 50 лет. Контроль за «наикрепчайшим» исполнением этого требования предполагалось поручить в каждой епархии двум «комиссарам» («одна духовная, а другая светская персона»). Эти «комиссары» могли бы, по мнению императрицы, наладить учет монашествующих и вести запись «постригающихся», и, «...пересматривая каждый год в каждом монастыре число монах[ов] и монахинь, а где увидят, что пострижение есть в неуказанных лет и небытность комиссаров, о таких брать штрафы с архимандритов и игуменов». В записке, наконец, предлагалось «новых монастырей отнюдь не строить», т.к. и без того «большая часть монастырей в худом присмотре и разорении...»²⁵. Идеи императрицы были созвучны взглядам большинства чиновников Комиссии и Коллегии. Именно они были положены в основу разрабатываемого плана реформы.

Ее общие контуры были выпукло очерчены в пространном документе — «Мнении о монастырских деревнях», автор которого был Г.Н. Теплов²⁶. Содержание его не оставляет сомнений в том, что проект предназначался не только для рассмотрения в Комиссию, но, прежде всего, был представлен самой Екатерине II. Подобное заключение вытекает, в частности, из того, что архивный экземпляр «Мнения...» оказался в ф. 168 (Сношения государей русских с правительственными местами и должностными лицами) РГАДА. Автор документа убежден в нецелесообразности сохранения в государстве духовной земельной собственности и духовного владения крестьянами. Эта мысль выражена следующим образом: «Не токмо такая знатная часть народа, какая есть написанная в подушный оклад за монастырями, архиерейскими домами, но и меньше б того, ...не приносило государству помощи по пропорции прочих частей, составляющих его, всемерно больше б к отягощению, нежели б к пользе ему служило»²⁷. Велик и вред от монастырского и архиерейского управления вотчинами — «хищническая» трата доходов превратилась в обычную практику в духовно-вотчинном хозяйстве. Утверждения духовных лиц, что деньги идут на «благолепие церковное» и «умножение училищ», не подтверждаются жизнью, ибо «...о заведении же знатных школ не слышно, а о установлении к облегчению общества и в намерениях не было». В «Мнении...» выражается сожаление о том, что государственные органы не могут добиться от духовно-вотчинной администрации точных «известий» о числе вотчин, размерах «положенного и неположенного доходу... и сколько и куда в расход употребляется», однако и без них автору «...ясно, ...что его довольно на требуемые расходы для разных учреждений, но и гораздо больше». Обвиняя «служек» монастырей в «тунеядстве», автор считает, что немалая часть из них вообще устранилась от дел вотчинного управления и хозяйства и «...сами господами живут», и «разными воровскими образами присовокупляют богатство, дочерей своих за дворян и офицеров с великим приданым выдают, а иные и чужими именами и деревни себе покупают, будучи же все в подушный оклад написаны, тягlosti той ...не несут»²⁸.

С целью устранения подобных «зол», автор «Мнения...» «берет дерзновение... по горячности и по долгу отечеству» предложить правительству проект преобразований. Предложения касаются четырех аспектов предстоящей реформы — установления нового порядка в сборе доходов, введения принципиально иной, чем прежде, системы управления секуляризуемыми вотчинами, финансирования новой администрации и духовных корпораций (монастырей, церковных властей и т.д.), оформления штатов церковных учреждений. Так, правительству предлагалось

санкционировать денежный оброк в 1 руб. и хлебный оброк размером в 1 четверик с души м. п., разверстав «вышеизъясненный доход таким образом: где хлебороднее — больше (брать — А.К.) хлеба..., где мужики достаточнее — то деньгами больше», — в этом случае, полагал автор, установленный доход «...собрать весьма не сумнительно»²⁹.

Переходя к разъяснению принципов, на которых следовало бы организовать управление передаваемыми в государственные руки духовными вотчинами, Г.Н. Теплов высказывает убеждение в необходимости назначения в качестве управителей («опекунов») светских лиц, «которые бы своими заслугами, отличными знаками от ея и.в. награжденными находились». Такими опекунами могли бы быть дворяне, отмеченные орденом Андрея Первозванного («имеющие кавалерию апостола Андрея»)»³⁰. Из того, что правление «...деревень поручится таким знатным людям, польза та будет, что они..., обращавшиеся всегда в свете ...между равными себе, славою, честью и долгом побуждены будучи о них пешихся ...станут порядочно управлять»³¹. Весьма важен 12-й пункт приложения к указанному проекту («литера А»), гласивший, что «деревни ...ни проданы, ни заложены быть не могут»³². Это означало, что составитель проекта — Г.Н. Теплов — предлагал правительству не поддаваться давлению дворян-помещиков, желавших приобрести тем или иным способом имущественные права на владения духовных корпораций.

По проекту Г.Н. Теплова, каждому управителю-«опекуну» поручалась «часть» — округ, включавший в свой состав определенное количество земель и крестьян. Подобных частей проектировалось иметь не менее 24-х. «Опекун» в своих действиях должен был опираться на штат «канцелярии» — одного секретаря и двух писарей (пункт 14). Расходы по управлению в каждой «части» определялись Г.Н. Тепловым в сумме 3850 руб., из которых 3000 руб. предназначались на жалование «опекуну», 250 руб. — секретарю, по 60 руб. — писарям; остающиеся 230 предполагалось тратить на канцелярские расходы. «Опекуны», как полагал автор, должны были быть подотчетны «особливой экспедиции ...для опекунских департаментов Сената»³³. Интересно отметить идею Г.Н. Теплова содержать при каждой «части» (или «департаменте») до 20 «кавалеров Малого Военного креста», получивших эту награду в военное время «отвагою». «Кавалеру», если у него было не более 29 душ м.п. крепостных, полагалось выплачивать, помимо установленного жалования, 100 руб. из «департаментских доходов»³⁴.

Выступая против праздной жизни «монастырских служек», автор указывал радикальный способ устранения «насельников» обителей. По его мнению, только самое незначительное число их должно быть назна-

чено в управители при ахиерейских домах и монастырях (по 3 человека в каждом), а остальных предлагалось передать дворянам в качестве крепостных: «на обмен дворянству отдать за таких, которые годны были в солдаты, и в подушный оклад за ними тот же час записать...». Возможен и иной вариант: «годных в службу в солдаты, а негодных в крестьянство записать»³⁵.

Интересны и соображения автора рассматриваемого документа о штатах духовных корпораций. Численность монашествующих лиц, безусловно, должна быть сокращена — считает автор. Проект ограничивал сеть монастырей — из более чем 900 сохранить надлежало только 192, в которых могло бы находиться 6500 монахов и 3000 монахинь («литера Г»). Не попавшие «в комплект» монастыри подлежали полному уничтожению — их строения предлагалось «разобрать и отдать материалы на церковные починки..., а самые ветхие их деревянного строения огню предать». В крупных монастырях — Иосифо-Волоколамском, Пафнутьево-Боровском, Тверском Желтиковском, Московском Даниловском — автор полагал возможным открыть «инвалидные дома», в которых «будут отставные офицеры и салдаты жилище иметь»³⁶. Были определены и штаты остающихся 192-х монастырей. Только в 3-х из них — Троице-Сегиевой Лавре, Александро-Невском и Новоиерусалимском монастырях — могло быть до 90 монахов, в 43-х — до 40 чел., в 130-ти — до 32 чел., в 25-ти — до 25 чел. в каждом³⁷. Документ предусматривал сократить также и количество епархий и, следовательно, епархиальных архиереев — с 29 до 14, т.е. в два раза (без учета Украины и Прибалтики — «литера Д») ³⁸. Что касается глав монастырей, то среди них архимандриты должны были остаться только в 167 монастырях из 192-х, а в остальных могли быть лишь «игумены или строители». Правда, автор полагал, что архимандритов может быть и 185, из которых 18 должны состоять «при архиереях»³⁹. Остальные восемь приложений Г.Н. Теплова (литеры З, Ж, И, І, К, Л, М, Н) подробно излагают предполагаемые устройство и штаты «инвалидных домов», училищ «благородных девиц» и «незнаемых родства», гимназий «в епархиях», госпиталя, больниц и богаделен⁴⁰.

Из всего сказанного видно, как тщательно и детально Г.Н. Теплов в своем «Мнении...» разработал основные направления секуляризационной программы. Обращая духовные вотчины и их крестьян в собственность государства, проект выдвигал на первый план «заслуженных» дворян в качестве руководителей новой отрасли государственного феодального землевладения и хозяйства. В ходе предстоящей реформы правительство неизбежно должно было пойти на сокращение сети мона-

стырей, епархий, строго фиксировать расходы на их содержание, высвобождая финансовые средства на общегосударственные нужды. Основные идеи этого документа легли в основу проведенной вскоре секуляризации духовной земельной собственности.

В начале 1764 г. проект секуляризационной реформы был окончательно выработан Комиссией о духовных (церковных) имениях, 13 января он был изложен в докладе, поданном Екатерине II⁴¹. Комиссия сообщала о «сочинении» ею «штатов» монастырей и архиерейских домов и предлагала обложить крестьян секуляризируемых вотчин денежным оброком в 1 руб. 50 коп. с души м.п.; помимо этих платежей «...с означенных крестьян никаких хлебных сборов... быть не имеет»⁴². Обосновывая финансовые выгоды государства от реформы, Комиссия представила роспись возможных доходов и расходов. Общие поступления в казну с выявленных по третьей ревизии 910866 душ м.п. при планируемом душевом сборе должны были выразиться в размере 1366299 руб. Что касается расходов, то они должны были быть таковыми: на содержание по новым штатам 26 епархий (26 архиереев и 2-х викариев), 159 мужских и 67 девичьих монастырей, 2814 чел. монашествующих в мужских и 1366 чел. — в женских монастырях (с 58 архимандритами, 99 игуменами, 67 игуменьями) и 5952 чел., обслуживающих церковно-монастырские нужды (1535 «священнослужителей», 3833 слуг, 248 сторожей и приставов, 336 канцелярских служителей). Т.о., Комиссия считала необходимым сократить число монастырей с более чем 900 до 226, контингент монахов устанавливался в 4208 чел. вместо 10 — 12 тыс. чел. Ограничивался штат слуг и служителей⁴³. По плану Комиссии, епархии и монастыри делились на 3 «класса». В первый «класс» попали только 3 епархии, второй — 8, третий — 15. Кроме того, образовывались два викарства — Олонекское и Севское. Три монастыря — Троице-Сергиева Лавра, Александро-Невский и Гудов — выделялись особо как существующие при епархиях первого «класса», причем Лавра с приписной Махрицкой обителью приобретала автономию от епархиального архиерея. «Первоклассных» мужских монастырей надлежало иметь 15 с окладом в 30262 руб. 50 коп., «второклассных» — 41 с окладом в 53787 руб. 90 коп., и «третьеклассных» — 100 с окладом в 80630 руб. Среди женских («девичьих») монастырей в первый «класс» записывались 4 (их оклад — 7533 руб. 60 коп.), во второй — 18 (оклад — 8564 руб. 40 коп.), и в третий — 45 (оклад — 16902 руб.) Общие расходы по «штатам» должны были потребовать от государства 519963 руб. 91 коп., а вместе с дополнительными расходами (на оплату Синода и Коллегии экономии, пенсии отставным офицерам, содержавшимся при монастырях), цен-

тральная власть должна была выделить 694780 руб. 52 коп. Доклад Комиссии был одобрен императрицей⁴⁴.

Г.Н. Теплов подготовил проект письма императрицы в Сенат, которое должно было сопровождать манифест с объявлением секуляризационной реформы. 26 февраля 1764 года Екатерина II подписала такой манифест⁴⁵. Он состоял из обширной преамбулы и пяти нормативных пунктов. В преамбуле обосновывалась мысль о том, что секуляризация явилась логическим следствием всей правительственной политики по отношению к духовной земельной собственности, начиная с Соборного Уложения 1649 г. В первом пункте объявлялось о передаче в казенное ведомство (Коллегии экономии) земель и крестьян духовных владений, во втором — о переводе «экономических» крестьян на единственный полуторарублевый оброк с души, в третьем — о разделении монастырей и архиерейских домов на три «класса» в соответствии со штатным расписанием, в четвертом — о духовном ранге руководителей епархий: «первоклассные» и «второклассные» возглавлялись архиепископами, «третьеклассные» — епископами, и, наконец, в пятом — о создании в епархиях духовных училищ и школ. В целом, в государственные руки реформа передавала 8, 5 млн. десятин земли, 910966 душ м.п. (по данным 3 ревизии), более 1,5 млн. руб. ежегодного дохода⁴⁶. В итоге была упразднена земельная собственность духовенства, а с нею — прежде столь могущественный и полунезависимый от государства слой духовных феодалов. Секуляризационная реформа 1764 г., расширяя сферу «государственного» феодализма, вместе с тем намечала подход к освобождению крестьян «сверху», которое, вследствие медленной агонии крепостнической системы, произошло только почти через столетие после нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Беликов В. Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II. // ЧОЛАДП. М., 1875. № 7. С. 726—732; Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900.; Верховский П.В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Коллегия экономии и Канцелярия синодального экономического правления (15 июня 1726 г. — 12 мая 1763 г.): Исследования в области русского церковного права. СПб., 1909.

² Борисов А.М. Кризис церковного и монастырского землевладения и хозяйства в 40—60-х гг. XVIII в. // ИСССР. 1968. № 3. С. 142—151; Комиссаренко А.И. Документальные материалы Комиссии о церковных имениях как источник по истории проведения секуляризационной рефор-

- мы в России в 1760-х гг. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев; Штиница, 1978. С. 182—187.
- ³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Кн. 3066. Л. 482 — 482 об.
- ⁴ Там же. Л. 486—489.
- ⁵ Там же. Л. 1013—1016 об, 1023.
- ⁶ Там же. Л. 1024—1024 об.; *Верховский П.В.* Населенные недвижимые имения Св. Синода... С. 78.
- ⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Кн. 3261. Л. 677 об.
- ⁸ Там же. Оп. 42. Кн. 3575. Л. 117; Кн. 3404. Л. 1 — 15 об.
- ⁹ Там же. Кн. 3575. Л. 117 — 117 об.
- ¹⁰ Там же.; *Никольский Н.М.* История русской церкви. М. 1930. С. 137—142.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Кн. 3575. Л. 124—171.
- ¹² Там же. Кн. 3404. Л. 63; *Верховский П.В.* Населенные недвижимые имения Св. Синода... С. 118 — 151.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Д. 3087. Л. 58—79.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Никольский Н.М.* История русской церкви... С. 143—144; РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Кн. 3404. Л. 557 об — 558.
- ¹⁶ *Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора и конференц-министра при Елисавете, сенатора при Екатерине II. 1705—1777. СПб., 1872. С. 193.
- ¹⁷ РГАДА. Госархив. Разряд 18. Оп. 1. Д. 197. Д. 1 — 327.
- ¹⁸ Там же. Разряд 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 1. Д. 9. Л. 1 — 11.
- ¹⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 42. Кн. 3389. Л. 797.
- ²⁰ Там же. Кн. 3400. Л. 6 об.
- ²¹ Там же. Ф. 280. Оп. 4. Д. 1775. Л. 119 — 126 об.
- ²² Там же. Госархив. Разряд 18. Оп. 1. Д. 197. Л. 130—151.
- ²³ Там же. Ф. 280. Оп. 4. Д. 154. Л. 56 — 56 об.; Д. 151. Л. 83; Ф. 248. Оп. 42. Кн. 3400. Л. 356 — 357. Власти требовали присылки описей к 1 января 1764 г. К офицерам, не сделавшим сего «к этому термину», предполагалось применить уголовные статьи «Воинского артикула».
- ²⁴ Там же. Госархив. Разряд 10. Оп. 3. Д. 432. Л. 23 — 29; Разряд 18. Оп. 1. Д. 197 — «Бумаги Г.Н. Теплова по комиссии о церковных имениях». Л. 20.
- ²⁵ Там же. Госархив. Разряд 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 8—8 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 231. Л. 1 — 16.
- ²⁷ Там же. Л. 1 — 1 об.
- ²⁸ Там же. Л. 2.
- ²⁹ Там же. Л. 3 об. — 4.
- ³⁰ Там же. Л. 5 — 6 об.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Л. 8.
- ³³ Там же. Л. 7 об. — 8 об.
- ³⁴ Там же. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Л. 4 об. — 5 об.
- ³⁶ Там же. Л. 13 об. — 14. По проекту, один из московских «девичьих» монастырей «очищался» для «воспитания благородных девиц», другой, «мужской» — «для незнающих родства»; еще по одному мона

стырю предлагалось передать «гошпиталю», «также в каждом епархии столичном (городе — А.К.) по одному монастырю на богадельню» (Там же. Л. 14.).

³⁷ Там же. Л. 14 — 14 об.

³⁸ Там же. Л. 15 — 15 об.

³⁹ Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 231. Л. 16.

⁴⁰ Там же. Л. 16 об. — 28.

⁴¹ Там же. Госархив. Разряд 10. Оп. 3. Д. 433. Л. 17 об. — 18.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 24 — 25 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Д. 392. Л. 3 — 3 об.; *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. С. 48 — 51.

⁴⁶ *Никольский Н.М.* История русской церкви... С. 146 — 147.; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 254 (здесь неточно указана цифра — 991761 душ м.п., переданных под управление Коллегии экономии).

О.А. Мельчакова

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В НИЖНЕТАГИЛЬСКОМ ГОРНОЗАВОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

В отечественной литературе, освещающей историю частных горнозаводских комплексов Урала XVIII — начала XIX в., как правило, не рассматривается сложившаяся в них система судопроизводства¹. Предпринятое мною исследование является первой попыткой охарактеризовать деятельность институтов, осуществлявших судебные функции по отношению к населению, обслуживающему частные металлургические мануфактуры Урала. При отмечаемой в литературе однотипности структуры управления хозяйствами уральских горнозаводчиков², изучение судопроизводства в одном из них — Нижнетагильском, позволит составить представление о механизме регулирования проблем, возникавших в сфере правовых отношений и в других горнозаводских комплексах Урала.

Нижнетагильское хозяйство Демидовых второй половины XVIII — начала XIX в. представляло собой как производственную, так и социально-экономическую единицу, которая обеспечивала жизнедеятельность зависимого от заводов населения. Управленческий аппарат заво-